

Акции прямого действия: критика и защита

Акции прямого действия (АПД) - это, как ясно из названия, любые акции по непосредственному, физическому устранению нарушения закона либо физическому же препятствованию его осуществлению. Это может быть демонтаж незаконных заборов или построек (в данном случае - в береговой полосе или в лесном фонде), а также силовое препятствие возведению таковых. Оба варианта могут осуществляться как открыто, так и тайно. То есть незаконный забор можно попытаться сломать днем, на виду у хозяев, сочувствующих им и даже охранников (при условии, разумеется, большой численности участников акции и их группы поддержки). Можно - либо ночью и незаметно, либо днем, но тоже на условиях анонимности и быстрого бегства в случае обнаружения. Мешать незаконной стройке можно и «с открытым забралом», физически преграждая дорогу экскаваторам с помощью своих тел или палаточного городка, а можно - и тайком, ночью, попытаться испортить строительную технику.

Большая часть наших мероприятий представляла собой открытый демонтаж (или «полукоткрытый», когда надежда закончить дело незаметно была, но провалилась), хотя было и несколько успешных «тайных» акций. Также были прецеденты тайного и явного противодействия стройке.

Еще один формат АПД, наименее рискованный из всех, который мы также часто применяли, - нечто вроде «демонстративного нахождения» на незаконно занятой территории (например, на захваченном пляже). Типологически его можно отнести к открытым акциям по ликвидации нарушения (захватчик не хочет людей пускать, а мы насильно проходим и т.д.), однако в этом случае имуществу захватчика урона не наносится. Но чаще акции совмещали в себе несколько разных типов.

ДОВОДЫ «КОНТРА». ТИПОВЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Все АПД, кроме разве что демонстративного проникновения нахождения, с формальной точки зрения являются нарушением закона. Да, увы. Они подпадают в лучшем случае под ст. 7.17 КоАП РФ (умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества) или, в худшем, под аналогичную по смыслу статью 167 УК (если успеть наломать на уголовный состав). Также имеется 330 статья УК (самоуправство) - тоже иногда применяется. Кроме того, при фиксации демонтажа незаконного забора органами полиции (даже если административное или уголовное дело не было возбуждено) захватчик нередко пытается подать в суд гражданский иск о возмещении ущерба. В случае, если он сильно зол и на него работает хорошо оплаченный юрист-крючкотвор, суд вполне может присудить компенсацию в 300 тысяч за несколько секций металлического строительного забора. Впрочем, на экстраемальных случаях - таких, как реальный срок заключения в колонии экзактивисту Евгению Витишко, я останавливаться не буду. Если мы хотим представить себе «типовые риски», то они таковы: задержание на несколько часов, вызов в суд и административный штраф (к счастью, пока он небольшой) и, в худшем случае, гражданский иск от захватчика.

На недоуменные вопросы читателей, как возможно обвинить человека в сносе заведомо незаконного забора, отвечу: вот так и возможно. Суд вообще не рассматривает законность правоустанавливающих документов на забор, а также их наличие/отсутствие. Один раз нашему активисту присудили административный штраф на основании устных показаний захватчика, что сломан-

С 2010 года мы, движение «Против захвата озер», иногда совместно с ленинградским областным ЯБЛОКОМ, провели в Санкт-Петербурге и области около 20 акций прямого действия против незаконных захватов берегов и лесов. И сейчас я хочу объяснить, почему я, перефразируя знаменитую фразу Черчилля, считаю этот метод «наихудшим за исключением всех остальных». То есть этот метод малоэффективен, но эффективность всех остальных вообще стремится к нулю. Поэтому выбирать не приходится.

ный забор принадлежит ему. Теоретически любой человек мог прийти в суд и заявить то же самое. Конечно, подобные решения являются неправосудными. И, конечно, суд обязан оценить законность снесенного имущества и уж, по крайней мере, сделать «скидку» для самоуправного демонтажника, если забор был незаконным. Но суд в нашей стране несовершенен, и больше нечего об этом говорить.

Итак, из вышеописанного вытекают два основных возражения против демонтажных акций. Читайте без меланхолии, ибо я намерена эти возражения в итоге снять контраргументами:

1. КПД этих акций крайне низок.

Сумма рисков и затраченных ресурсов превышает результат. Да, ведь помимо опасности репрессивных последствий, есть еще сложности организации самих акций. Найти, собрать, довести до места (расположенного, как правило, далеко за городом) группу людей, готовых рискнуть за правое дело - это, поверьте, непросто на всех этапах. Сюда стоит добавить чисто финансовые затраты на проезд к месту событий, на оборудование и инструменты (даже если бензоболгарка у группы, скажем, уже есть, то бензин и все расходники нужно купить). Учитывать нужно и расходы в случае непредвиденных обстоятельств: задержание и невозможность вернуться домой на электричке (ерго необходимость такси), поломка дружественной машины (ерго ее ремонт). Наконец, затраты на защиту в случае суда и на штрафы. А теперь сравним затраты с наилучшим возможным результатом акции в случае ее успеха. Это, понятно, полностью снесенный забор, который впоследствии не восстанавливается. Случается такой идеальный вариант редко. Очень часто заборы восстанавливают. Причем, что особенно обидно, много наломать демонтажники просто не успевают. Ведь строить забор оплаченные таджикские рабочие в течение нескольких дней, а на демонтаж (непрофессионалам, да еще и находящимся в стрессовой ситуации) дается всего лишь пару часов. Таким образом, мы всегда в неравных весовых категориях с захватчиками. С этим нужно смириться.

2. Мировоззренческое противоречие.

Человек условно либерально-демократических взглядов, с одной стороны, уважает примат законности, а с другой - бесится, если для установления оной законности приходится прибегнуть к насильственным действиям. На мой взгляд, это противоречие абсолютно неразрешимо, и тут либерал-демократу нужно просто ввести коррективы в самое себя. Потому что, как мы понимаем, иначе, как насильственно, отнять у людей захваченное невозможно. Они будут цепляться за него зубами и когтями. Все случаи, когда отнимать незаконно захваченное бралось государство (например, попытка сноса берегозахватов в деревне Пятница на Истринском водохранилище в 2005 году, попытка сноса берегозахватов в поселке Речник в Москве в 2008 году или снос ларьков в той же Москве в 2016 году) переворачивали общественное мнение с ног на голову. Те же самые люди, которые еще вчера громко осуждали «захват-

чиков-беспредельщиков» и призывали «сносить всем миром», тут же невольно вставали на сторону самих захватчиков, едва начинался реальный снос. Вмиг хозяева берегозахватов (ларьков etc) в глазах публики сделали несчастными и гонимыми поборниками свободы и святого права собственности, а демонтажники обратились в жестоких фашистов

и полицейских. В Речнике, который в большей степени соответствует нашей теме, захватчики всю эксплуатацию образы «старикоженщины-детей» и чуть ли не блокадников-ветеранов, которые якобы оказались пострадавшими при сносе.

Скажу сразу: против наших акций такие аргументы «ниже пояса» не эксплуатировались. Видимо, для успеха стороне противника достаточно было усилий, приведенных в пункте 1 (репрессивные меры). Более тонкие аргументы идут в ход, когда позиция демонтажников усиливается (например, когда инициатором сносов является государство). В нашем случае реализация пункта 2 выразилась в высокомерных сентенциях типа: «А чем вы лучше захватчиков? Вы, как и они, нарушаете закон. Попробуйте ломать без решения суда. Если вы требуете торжества закона, то и действуйте по закону - подавайте в суд, добивайтесь решения о сносе»...

Авторы этих сентенций для меня - либо демагоги, либо дилетанты (скорее второе). Обычно в ответ я сразу задаю им свои вопросы: «А сколько раз вам удалось подать иск в суд об освобождении береговой полосы (лесной участка)? сколько судов вы выиграли?» И, наконец, на закуску: «Сколько решений судов о сносе незаконных построек в береговой полосе на территории Ленинградского области и Санкт-Петербурга было исполнено?» Собственно, в общении с дилетантом можно сразу ограничиться последним вопросом. Так как он никогда не пытался подавать подобные иски, то не знает, что:

а) суды всеми силами отбиваются от них, объявляя вас ненадлежащим истцом, а сам иск «в защиту неопределенного круга лиц» подавать может только прокуратура;

б) если иск принят (от вас или от прокуратуры), то у хорошо оплаченных юристов захватчика крайне сложно выиграть;

в) если, о чудо, процесс все же выигран, то решение испол-

нять необязательно.

Да. И это - главное. Никаких реальных санкций за неисполнение судебного решения не предусмотрено (а те, которые есть, вы ни за что не заставите применить). Служба судебных приставов, мягко говоря, не очень заинтересована в силовом исполнении решения. Более того, для такого у нее нет ни материальных, ни си-

ловых ресурсов. Истории с Речником, Истринским водохранилищем и ларьками в Москве - исключение из правил (связанное, вероятно, с чьей-то выгодой в получении освобожденных участков). Зато я знаю пару случаев, когда граждане вынуждены были, добившись решения суда, следом подавать в суд... на судебных приставов за бездействие (!). И все равно ничего не было снесено. Помню, как-то раз зам. природоохранного прокурора Ленинградской области заявил мне, что пример сноса по решению суда у него якобы есть. Я попросила назвать адрес снесенного объекта или хотя бы название поселка, где он находился. Чиновник этого сделать не смог! Потому что, уверяю вас, никакого сноса не было.

И в завершение добавлю, что по истечении трех лет решение суда по гражданскому иску как бы «списывается». Его можно не выполнять.

ДОВОДЫ «ПРО». ПРОДОЛЖАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Таким образом, можно констатировать довольно грустную истину: в современных российских условиях борьба с берего- и лесозахватами в рамках правового поля неэффективна. То есть бороться - можно, а вот получить значимый результат - нельзя. Многие, к слову сказать, так и делают: борются, пишут письма чиновникам, стоят в пикетах, пытаются судиться. Тем самым они облегчают свою совесть в том смысле, что «не сидят сложа руки», а «хоть что-то делают». И в этом нет ничего плохого. Более того, занимаюсь этим и я. Именно, чтобы успокоить совесть. Но я хорошо знаю: можно просто делать, а можно добиваться результата. И это - не одно и то же. А добиться результата в правовом поле можно в одном-единственном случае: если речь идет о превентивной борьбе с еще несуществующим берегозахватом. В этом случае силовых ресурсов контрольных и надзорных органов вполне может хватить на то, чтобы остановить захватчика. Тако-

вые примеры есть. Но если нарушитель уже «вложился» в незаконную стройку, окопался на месте, притянул к безнаказанности - тогда все. Сдвинуть его с места не сможет никто. И меньше всего - государство. Разве что - граждане в ходе демонтажной акции.

А теперь произведем простое арифметическое действие - сравнение. Если у «правовой» борьбы КПД равняется нулю, а у «внеправовых» демонтажных акций он просто низок, то какой метод борьбы более эффективен? Нет, есть, конечно, еще один отличный вариант: вообще ничего не делать и пафосно возглашать в сети, что надо-де сначала «менять систему». Но нам такой вариант не подходит. Если система беззуба и бессильна противостоять наглым нарушениям закона, то этим, по нашему разумению, должны заняться сами граждане. Не они ли, согласно Конституции, являются субъектом власти в нашей стране? Более того, считаю, что каждый народный демонтаж, пусть он был малоэффективен и закончился плохо для участников, явился зримым шагом к «смене системы», о которой так любят говорить апологеты делания-по-закону. Изнаю наверняка: если вообще ничего не делать, то система никогда не изменится.

Добавим: будучи малоэффективными физически, акции прямого действия против берегозахватов имеют очень большой эмоциональный и пропагандистский результат (конечно, при условии, что информация об акции удалась распространить). Публике они показывают, что сопротивление в принципе возможно и сопротивляющиеся есть (мол, берите пример!). А берегозахватчикам и их пособникам во властных структурах они отправляют и вовсе однозначный месседж: есть хоть малая, но вероятность, что когда-нибудь придут и к тебе. Да, сколько бы ты не заносил прокурорам и главам администраций, есть в мире элемент неопределенности. Есть кучка городских сумасшедших, которая может взять да и выбрать следующей жертвой именно твой забор. Ну да, ты спустишь на них четвероногих и двуногих собак, ты еще раз занесешь прокурорам, чтобы против этих сумасшедших что-нибудь возбудили, «но это - пойми, потом». А вначале будет просто неприятное чувство от того, что, казалось бы, стабильное элитное уединение на ворованном берегу оказалось еще как уязвимо. Надо ли оно вам?

А теперь - серьезно. Я считаю, что наибольшую эффективность имеет именно комплексное, совместное применение «правовых» и силовых методов. Более того, у природоохранного движения в целом (а лучше, если у каждой организации в частности) должно быть два крыла. Первое - условно легальное, созидательно-конформистское, ориентированное на поиск договоренности с властями и судебную тактику. Второе - условно нелегальное, которое подкрепляет слова первого делами. Ибо без такого «камня за пазухой», как акции АПД и люди, готовые их проводить, у «легальных» экозащитников нет «обеспечения» в переговорах. А почему, собственно, власти должны идти на уступки и выполнять закон, если за его невыполнение им ничего не будет? Только потому, что тогда теоретически за дело могут взяться «не-легалы». И поэтому выгодней договориться с «легалками» и выполнить их законные требования, нежели портить статистику и позволять гражданам самоорганизовываться для силовой защиты своих прав. Ведь это вообще бог весть куда может завести!

Ирина АНДРИАНОВА,
член фракции «Зеленая Россия» партии ЯБЛОКО.
На фото: акция на Невском озере.